

Л. Г. Скородумова, А. А. Соловьева

Кости в монгольских обрядах и поверьях: предварительные материалы¹

Нередко в традиционной культуре вещь имеет, помимо своего прямого назначения, другой, символический, смысл, который определяет ее место и иные, магические, функции в обрядовых практиках и поверьях. Предметом данной статьи стало рассмотрение некоторых символических значений и функций кости в традиционной культуре монголов. По степени представленности в различных сферах жизни и богатству семантики кость является одной из наиболее значимых вещей монгольского символического мира. Символика кости получила отражение в языковых жанрах, приметах, поверьях, обрядовой практике (заклинаниях, связанных с различными ситуациями — *дом шивилэг*, гаданиях, при ритуалах подношения, в похоронных обрядах), в повседневной жизни, во время праздничного застолья, в играх и пр. Это и немудрено, до сих пор скот является основой хозяйства монголов, главной «драгоценностью».

Ключевые слова: монгольская традиционная культура, символика вещи, повседневность, фольклор, обрядовая практика, кости.

Речевые жанры

В монгольском языке множество понятий из различных сфер жизни оказывается связанным с костями. Наиболее распространенным является сравнение с костью как оценка качества и свойств предмета. Например, при изготовлении войлока произносят благопожелание: «пусть будет тверже кости, белее снега» [Монгол зүйр, 2002. С. 48].

Характер и склонности человека определяются через оценку его «основы», ассоциированной с костями. Когда судят о характере человека, его порядочности, то говорят: «только когда познаешь кость человека, увидишь его подлинную сущность», «у кого плохие кости, тот на ходу засыхает» [Монгол зүйр, 2002. С. 48], *яс муут, яс муутай* — ‘с плохими костями’, плохой человек. Существует также представление о том, что у человека с кривым позвоночником и «жизнь кривая», и ведет он себя «криво» по отношению к другим людям, на такого человека нельзя положиться. «Позвоночник — это как стержень человека. Если стержень прямой и крепкий, то и человек прямой, сильный, честный с людьми. И в жизни у него все идет без запинок, хорошо ладится. А если у человека спина кривая, такая же и жизнь, основы нет, то туда его поведет, то сюда, за одно возьмется, другое бросит, с людьми так же поступает. Тяжело таким людям и с ними тоже тяжело» [По-

левые материалы: Г. Х.]. Другим критерием оценки жизни и способностей человека являются зубы: «Человек, у которого болят зубы, не может держать свою жизнь, управлять ей нормально, так говорят» [Полевые материалы: С. Т.]. А у магических специалистов, сильных выдающихся шаманов, зубы иногда бывают не просто хорошие, а даже без промежутков, сросшиеся: «У сильных шаманов зубы сросшиеся бывают. Не как у нас, с промежутками, а как будто срослись вместе, сплошные. Если, когда говоришь, увидишь такое — значит, очень искусный шаман» [Полевые материалы: Г. Ч.], «Шаман, у которого мы были два года назад, у него зубы сросшиеся. Это значит, он настоящий шаман, сильный» [Полевые материалы: Х. Т.].

В эпических сказаниях в качестве характеристики героев, как правило, богатырей и их скакунов, часто используется выражение: «в ребрах без щели, в пояснице без промежутка». В современной традиции это стало поверьем, связанным с борцами, наиболее сильными и знаменитыми из них. Считается, что у таких выдающихся людей ребра также «сросшиеся», сплошные, без промежутка, а грудная клетка таких размеров, что волчица выбирает останки знаменитого борца как надежное убежище для своего потомства. «Старики рассказывали, что жил в этой местности силач Дэмбрэл. Где-то в середине 20-го века. Умер своей смертью. После того как его тело положили в степи, волчица вывела волчат в его грудной клетке. Ребра грудной клетки были сросшимися. Волков в то время было много. Волчицы ценятся в укромном месте, поэтому ей понравилась грудная клетка как пещера. Такой большой человек был»

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00590) «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

[Полевые материалы: Б. Т.], «Чултэм-аварга² был без отверстия между ребрами. Волчица вывела у него в груди волчат. Волчица — это знак величия богатыря» [Полевые материалы: Д. Ч.].

В то же время существует и такая поговорка — «в костях без промежутка — в поступках без гармонии». Нередко этим выражается неистовый характер человека (что также является распространенной характеристикой эпических героев).

Другим важным полем значений, связанным с костью, является родство — принадлежность к семье, роду, национальности. Есть такая поговорка — «на чужой стороне береги свое имя, а на своей — заботься о костях». *Яс* — ‘кость’, имеет также значение ‘поколение’, ‘род’, ‘происхождение’, ‘национальность’; *цагаан яс* — ‘белая кость’, ‘аристократ’, *ямар яс угсатны* — ‘какого рода-племени’.

Существует большое количество сочетаний, описывающих физическое и эмоциональное состояние: *яс амрах* — ‘получать покой’, ‘отдыхать’ (давать покой своим костям); *яс хавтайх* — ‘бояться за кого-либо’, ‘болеть душой’, ‘чувствовать себя в неудобном положении от стыда’; *яс хагацах* — ‘рожать’, ‘освободиться от тягот, бремени’.

Среди речевых жанров в большом количестве представлены загадки о костях. Они тесно связаны с бытом, традиционными представлениями и реалиями. Нередко они не слишком прозрачны для понимания представителей иной культуры. В загадках обыгрываются форма и строение той или иной кости, мельчайшие особенности внешнего вида и значения. Кости сравниваются с оружием (наиболее часто — с луком и тетивой, это получает отражение и в обрядовых практиках, о чем ниже будет сказано подробнее), уподобляются одушевленным и неодушевленным предметам. Среди наиболее часто встречающихся образов — белый мальчик, щербатая мать, ноён, ханша, чиновник, они отражают своеобразную традиционную иерархию персонажей. Другим популярным рядом служат образы, связанные с хозяйственным бытом, в него входят и пять видов скота, и стойбище, и целое кочевье. Вот, например, загадка о трубчатой кости:

С севера пришли
Двенадцать яловых кобылиц,
Две из них пустые,
Две — дырявые,
А у восьми в чреве листок (вместо жеребенка).
[Ловор, 2002. С. 30]

Текст этой загадки используют также как заклинание/благопожелание, обеспечивающее плодородие скота и очищение всего маточного поголовья. В ней трубчатые кости сближаются с кочевьем.

В другой загадке перечислены практически все важные кости, почитаемые в традиции: бедренная,

лучевая кость, лодыжка, коленная чашечка и шагай (подколенная кость):

Веселый, бойкий ноён,
Кривая, изогнутая ханша,
Толстый, смуглый чиновник,
Серый малыш с горбом,
Крутая белая девочка
И все виды скота.
[Ловор, 2002. С. 50]

У дариганга есть такая загадка о коленной чашечке:

Мальчик — белая ракушка,
С костяной щербатой матерью.

«Щербатая мать» в данном случае голенная кость.

В загадках первый шейный позвонок изображается следующим образом:

Словно лук
С костистой тетивой.

Или так описывается в загадке лучевая кость:

Дерево смоковница,
Тетива из золотого дамбара,
На конце и в основании
Сладкий, как изюм и сахар.
[Ловор, 2002. С. 32]

Загадки о костях имеют в традиции свои прагматические функции и встречаются в различных ситуациях. Можно выделить две основные группы таких ситуаций — застолье и обряд. При различных случаях застолья загадки о костях могут включать следующие значения: развлечения (выступая в качестве застольной игры собравшихся хозяев и гостей), испытания (такую функцию загадки приобретают при особых случаях застолья, в основном при свадебном, когда умение загадывать и отгадывать загадки становится испытанием для жениха, дает возможность судить о его уме, находчивости, остроумии), восхваления/благопожелания (часто в этом значении загадки используются гостями, желающими отблагодарить хозяев, пожелав их дому и хозяйству процветания). Некоторые загадки используются в различных обрядах (как приведенный выше текст о трубчатой кости), иносказательный язык загадки в этих случаях сближается с магической формулой заклинания, чаще это встречается в обрядах гадания и обрядах, связанных с защитой и очищением/лечением скота.

Заготовка мясной пищи

В монгольской традиции, так же как и в тибетской, существует по-своему неразрешимое противоречие между тем, что предписывает одна из основных религий, ламаизм («не навреди ни одному живому существу»), и основой быта кочевого скотовод-

² Аварга (аврага) — ‘исполинский, огромный’, а также ‘чемпион, победитель’.

ческого хозяйства, связанного с забоем скота и мясной пищей в качестве основы рациона. Это приводит к необходимости как-то компенсировать «нанесенный ущерб», исправлять, заглаживать факт нарушения предписанного. В тибетской традиции эта проблема нашла разрешение в существовании специальных людей, забивающих скот для семей всего селения и тем самым берущих на себя все грехи, полагающиеся за это [Кычанов, Савицкий, 1975. С. 149]. В монгольской традиции подобная институционализированная фигура отсутствует, и большинство семей сами занимаются забоем скота. Иногда в роли подобного специалиста выступал *дархан*, кузнец, но так или иначе каждая семья вынуждена компенсировать «проступок» за себя. На практике это привело к бытованию большого количества домшившлэг, представляющих собой «обращения» к убитым животным и исполняемых во время забоя скота и заготовки мяса на зиму. Эти обращения содержат несколько интенций, среди которых: восхваление/благопожелание, адресованное душе животного; извинение за необходимость убийства и употребления в пищу; попытка обмануть душу убитого животного, чтобы она не вредила семье; призывание души вернуться в тот же *айл*, возродившись на будущий год в образе того же животного (в большинстве доступных текстов речь идет о быках и коровах, вероятно, как наиболее ценном виде скота из пяти, выделяемых в монгольской традиции).

Обращение к душе животного в предметном смысле осуществляется через обращение к определенной кости (которая, видимо, служит своеобразным вместилищем, местом пребывания души) — черепу, в случае лошади, скакуна; первому позвонку, в случае прочего скота. Когда к забою скота привлекают *дархана*, ему отдают сваренную шею забитого животного вместе с первым позвонком. *Дархан* этот позвонок обсасывает, после чего его вешают справа от входа, на верхнюю часть решетки стены. Прибавляют еще глаз и через три дня *дархана* опять зовут в гости, угощают его и возвращают позвонок вместе с жиром и маслом, обходят вокруг очага три раза по солнцу и говорят такие слова:

С севера пришедший первый позвонок,
Золотом, серебром украшенный,
С юга пришедший первый позвонок,
Жиром, маслом украшенный.
Поверх годовалого теленка, маслом и курutom
накормивший,
Изобилующий пользой передний позвонок,
Поверх двухгодовалого теленка, в соболя и шелка
одевший,
Изобилующий добродетелью передний позвонок.
На трехгодовалом жеребенке жемчуг принесший,
Сытной, питательной еды много давший передний
позвонок.
В шестилетнем возрасте по восточному хотону
возивший передний позвонок,
В семилетнем возрасте по городу Долнуур возивший
передний позвонок.

[Ловор, 2002. С. 60]

Так его восхваляют, перечисляя заслуги и достаток, которые животное принесло семье.

В других случаях, когда семья справляется собственными силами, передний позвонок подносят огню, при этом нашептывают следующие слова:

Где упал,
Стань пятнистым теленком,
Где убили,
Стань пестрым теленком.
Побыстрее возрождайся!
[Ловор, 2002. С. 57]

Алтайские урянхайцы сжигают передний позвонок на огне, кладут в чашку и на следующий день гадают по золе, произнося при этом следующее:

Не убил тебя, чтобы убить.
Низко кланяюсь, умоляю.
Оттого, что голодные,
Пошли сосать молоко.
Пусть душа твоя отправится в страну святых,
Родись скорее бычком, приносящим счастье³.
[Ловор, 2002. С. 57]

А хотоны, когда заготавливают мясо, варят передний позвонок и отдают его не тому человеку, который забивал скот, а хозяину дома. Тот его обгладывает, после чего позвонок заворачивают в пленку, покрывают жиром и произносят, опять-таки поднося огню:

В этом году иди в наш очаг,
А на будущий год вернись красным теленком.
[Ловор, 2002. С. 57]

С черепом коня связан особый комплекс почитания. В монгольской культуре конь одно из наиболее ценных и уважаемых животных, он — популярный персонаж эпических сказаний (где конь — друг и советчик батора, богатыря), легенд (распространенная легенда о крылатом коне и появлении моринхура) и сказок. Его изображение используется как символ счастья — на маленьких флажках, *хийморь*, которыми освящают пространство (само слово *хийморь*, ‘воздушный конь’, значит также ‘счастье, удача, приподнятое настроение, жизненная сила’), головой коня украшен главный для монголов традиционный инструмент — моринхур («лошадиный» хур, смычковый инструмент, имеющий голову лошади на вершине грифа), наличие которого в доме, согласно современным поверьям, освящает домашнее пространство, оберегает семью от всего дурного, приносит счастье и благополучие.

³ В устном бытовании, особенно на севере Монголии, в Прихубсугулье, часто встречаются рассказы о водном быке (духе-покровителе местного водоема), живущем в озере. Время от времени он выходит на берег и гуляет с обычными стадами, после чего рождается теленок, приносящий счастье, и семья, которой он принадлежит, богатеет и процветает (Полевые материалы).

После смерти коня, особенно быстрого скакуна, любимца хозяина, или *сэтэртэй морь* — коня, посвященного божеству, его череп обязательно ставится на высокое место — гору, холм, обо, дерево (при этом сквозь отверстия черепа продевается хадак, а полости заполняются ветками и камнями, о значении чего будет сказано ниже). Этим выражают уважение коню, посвящают его небу, просят взамен такого же хорошего коня (часто череп располагают таким образом, чтобы он «смотрел» на айл, которому принадлежал, чтобы он смог вернуться домой, опять возродившись конем): «Уважаемого коня хоронят, подняв его голову высоко (гора, обо, дерево)». [Полевые материалы: Б. Х.]. «Лошадиный череп на обо и на дереве — выражение уважения» [Полевые материалы: А. Т. О.]. «Череп на березе — умер верховой конь, уважение. Если бросить череп — уйдет хийморь хозяина (жизненная сила, удача). Если уважать и любить лошадей, будет удача» [Полевые материалы: Н. Д.]. «Оставляя череп на обо, просят небу, обо, савдага такого же хорошего коня» [Полевые материалы: Д. Д.]. «Конь — для монгола это счастье, удача, драгоценность, поэтому его в грязном месте, в низком месте не поместят. Если на Хубсугуле голову поместили на дерево, то это значит, почитают, вроде как на горе, не под ногами, а на высоком месте. Вообще-то головы коней ставят на обо, горы, на высокие места, на дереве — это значит, почитают ее» [Полевые материалы: С. Б.].

Когда кладут голову коня на обо, говорят иногда такие слова:

Пять самых изысканных блюд монгольской пищи,
Конь мой, впитавший в себя удачу скакунов великой
Монголии,
Четыре стальных твоих копыта пусть не изнаются,
Огнем горящие два глаза твои пусть не устанут,
Пусть пребудет счастье и удача с этим моим добрым
конем!

[Ловор, рукопись]

В некоторых специальных ситуациях череп может служить своеобразным орудием магического «приобщения» (медиатором). Так, согласно поверью, в особых случаях при обучении игре на моринхуре нарушается запрет сидеть на черепе. Чтобы быстро и хорошо научиться играть на этом инструменте, надо учиться, сидя на черепе коня, лежащем на перекрестке дорог [Полевые материалы: А. Т. О.].

С черепом коня связана и определенная шаманская символика, в одной из легенд о посещении человеком подземного мира духов местные обитатели избавляются от него как от демона посредством шамана, который отправляет героя в мир живых верхом на черепе (шаманский бубен также осознается в качестве коня для шамана).

Застолье

Кости сохраняют свое символическое значение и в повседневной жизни. Они отражают определенную

иерархию, сложившуюся в традиции, среди членов семьи, родственников, гостей. И если конкретные обряды могут уже не исполняться частью людей, молодежью, особенно живущей в городских условиях, то это символическое значение, передающее знание своеобразного традиционного этикета, еще можно найти практически в любом доме. За каждым членом семьи «закреплена» своя кость, определенная часть мясной пищи. Существует представление о наиболее почетной пище, которая предназначена наиболее пожилым членам семьи и самым почетным гостям, они первыми ее пробуют. Это «четыре высоких» ребра (четыре самых длинных верхних ребра), голова и лопатка для старшего из мужчин, отца, дяди, почетного гостя и грудина, грудная кость для женщины (ее называют также *хатан хоол*, 'еда госпожи', также грудину традиционно подносят духу домашнего очага).

Есть части, которые нельзя есть одному — мясо с лопатки обязательно делится на несколько человек. Есть даже поговорка «лопатку едят 70 человек» (построена на омонимии — *дал* 'лопатка' и *дал(ан)* числительное 70). Хрящик от лопатки отдают детям.

Согласно еще одному принятому обычаю, связанному с этой костью, на хорошо обглоданную лопатку кладут кусок мяса и подносят вместе с водкой самому пожилому за столом человеку, тот, кто принял лопатку, говорит благопожелание (ерөөл):

Первая из десяти тысяч овец,
Голова тысячи овец,
Добрая овца со своими собратьями,
Любящая своего хозяина!
У твоих ягнят шерсть толщиной с палец,
У новорожденных шерсть толщиной в пядь!
Лопатка белой овцы со звездочкой во лбу,
Мясо овцы пробуют все собравшиеся,
Я держу в руках эту белую кость и желаю следующее:
Чтобы на этих лопатках всегда было много мяса,
Чтобы бедро тоже было мясистое,
Чтобы всем пришедшим издалека гостям
Можно было выразить свое радушие!
Глядя на котел,
Показываем всем гостям
И видим, как все близкие счастливы.
Если посмотреть на нос (лопатки), то он вздымается,
как высокая гора,
Если посмотреть сбоку (то видится) — священная река
Тола,
Если с плоской стороны (посмотреть) — веселится
весь народ,
Если сбоку — богатеет весь народ,
Если с ребра — хозяину сто лет прожить!

[Ловор, 2002. С. 63]

Интересно отметить, что в тексте как бы воспроизводится ситуация традиционного гадания по лопатке, очень распространенного в монгольской культуре, и говорящий, «глядя» на лопатку с разных сторон (как это делается при гадании), таким образом не просто желает, а предрекает благое для семьи, хозяина и пр.

Произнесшему такое благопожелание отвечают: «Кто сказал благопожелание лопатке — пусть проживет более семидесяти лет, а желания, которые он произнес, пусть исполнятся!» [Полевые материалы: Г. Ч.]

Некоторые кости полагаются есть только в кругу своей семьи, их никогда не подают на стол в присутствии гостей, это «непочетные кости». Такой костью является лучевая кость (*богтос яс*). Она имеет богатую символику, часть значений которой уходят вглубь традиции и становятся более или менее понятны через контексты обычаев, ставших уже историей, она отражает прежние социальные отношения. Сейчас мясо с этой кости съедает сам хозяин дома, при этом он должен соблюдать определенные предписания: сначала он высасывает мозг с двух сторон кости, немного обгладывает ее, потом со словами «съел *богтос* (лучевую кость), теперь пойду», бросает ее в огонь. Об этой кости есть такие поговорки — «*боол хунд богтос чөмөг*» ('рабу/черни — лучевая кость') или «*богтос чөмөг боолын хоол*» ('лучевая кость — еда рабов/черни'). Монголы говорят, подать эту кость другому человеку — значит отнестись к нему как к черни, так, будто он сам, члены его семьи и даже скот должны будут служить [Полевые материалы: С. Д.].

Слово *богт/богтос* ('лучевая кость') имеет ряд однокоренных слов, связанных со свадебной тематикой: *Богт* — калым, сговорные подарки (со стороны жениха); *Богт/Богтог* — головной убор невесты, замужней женщины (остроконечный на верхушке, напоминающий по форме лучевую кость); *Богтлогдох* — быть помолвленной; *Богтлох* — сговаривать, помолвить; обручать, делать свадебный сговор; *богтлох охин* — девушка, которую сговаривают, невеста; *богтлох мал* — сговорный скот, определенное число скота, посылаемое женихом в дом невесты; *богтолсон гэргий* — сговоренная невеста; выдавать замуж, заставить надеть *богтог* (женский свадебный головной убор); *Богтолчих* — выдать замуж. При патрилокальном браке это означало, что невесту отдавали в другой дом, туда, где едят одну лучевую кость в кругу семьи? — *богт чөмөг иддэг боллоо*.

Некоторые кости после трапезы нельзя оставлять на ночь в доме — череп без глаз, обглоданную лопатку, бедренную кость. Это связано с демонологическими представлениями, о которых речь пойдет ниже. Но и выбрасывать эти кости просто так тоже нельзя, обычно их перед этим каким-нибудь образом повреждают, разламывают, раскалывают. Особенно это касается лопатки, которая является предметом, необходимым при одном из самых распространенных способов гадания. По оставленной целой лопатке знающий человек способен узнать все о хозяине дома, его семье, хозяйстве, доходах и прочем — «лопатка — это как харддиск от персонального компьютера, на ней вся информация о владельце, нельзя чтобы она была в руках у чужого человека» [Полевые материалы: Г. Х.].

Такие кости, как *гадна борви* (пяточная кость), *тойг* (коленная чашечка), *шаантны таван яс* (пять костей голени), *шилбэний шивнүүр* (бабка⁴⁴), *таахай* (надступневая кость), *тагалцаг* (кости ног), *үхрийн ахар суул* (коровий копчик), при застолье как следует обгладываются, обсасываются и отдаются детям для игры в дочки-матери. Баяты и олёты у копчика и хвостовых костей высасывают каждый позвонок, потом эти кости делят между дочерьми, те бросают их собаке: чью кость собака возьмет первой, та первой выйдет замуж, так забавляются.

При больших праздничных застольях (наиболее многолюдные и значимые — *Цагаан сар* — Новый год и свадебное пиршество) кости служат объектом игр, соревнований и соответствующей обрядности.

Так, одной из наиболее популярных при застольных играх костей считается последний позвонок поясницы мелкого рогатого скота. Он часто используется в играх-перепалках, поэтому его называют также «страдалец», «вопросительный позвонок», «убеждающий позвонок». Он является частью таза, поэтому его называют еще «домашняя кость», как дом для плода, его очень уважают. При родах кости раздвигаются, и эти позвонки запрещено делить. Но во время еды их обсасывают, обгрызают, после чего просят у хозяина разрешения разделить их, произносят благопожелание. Затем с этим позвонком устраивают соревнование в остроумии, произносят ёрол:

Пусть таких же животных будет десять тысяч,
А хозяин пусть живет вечно,
Будь счастлив без страданий,
Непрерывно богатеи!

Только тому человеку достается этот позвонок, который может назвать все его свойства и приметы. Он его обгладывает и затем спрашивает у хозяина: «Можно ли разделить позвонок?» Хозяин отвечает: «Можно, только отдай мне спинной мозг». Спросивший человек разделяет позвонки и, положив спинной мозг на тарелку, отдает его хозяину, произносит благопожелание:

Это — сосавшей растительное молоко,
Пившей прозрачную воду,
Богатого айла,
Серой со звездочкой на лбу овцы
Последний из двадцати шести позвонков,
Первая из крупа кость,
О которой спрашивают у гостей, приходящих в дом.
[Ловор, 2002. С. 53]

Затем начинаются вопросы, отвечающий должен рассказать, глядя с разных сторон, обо всех особенностях формы этого позвонка и крестца. Описания представляют собой тексты, напоминающие то благопожелание, то загадку, то небылицу. Во всех них в той или иной форме выражаются значения крепости,

⁴⁴ Б а б к а — 1) надкопытный сустав ноги животного; 2) кость из надкопытного сустава ноги животного, употребляемая для игры.

стойкости, с одной стороны, обилия и плодородия — с другой. Среди образов, встречающихся в описании, выделяются следующие: воинственные (сравнение с богатырем, воином, богатырским конем), священные (символы, связанные с буддизмом и монгольской мифологией: Гаруда, слон, Озеро Ганга; Молочный океан, Алтай и Хангай, Алтан обо), бытовые (айл, кочевье, стойбище и пр.). Так же как и в приведенных выше примерах, характерным является гипертрофированное описание, определение малого (выемки на позвонке) через бескрайнее (озеро, из которого могут одновременно напиться, не мешая друг другу, сто тысяч коней).

Позвонки, глядя на него с верхней стороны, описывают так:

Это как широкое чело доброго молодца,
Который шагает впереди солдат семь суток без отдыха,
Который шагает позади вернувшихся солдат семь
суток без отдыха,
Если встретится ему десять тысяч врагов,
Без промедления всех поражает,
Если встретится ему сто тысяч врагов,
Без промаха всех убивает.

С лицевой части виднеется выступ, похожий на торчащий вперед клык, его описывают так:

Это клык прекрасного коня,
Который хоть на войну попадет — не отступит,
Который хоть океан обойдет — не устанет.
Всякого догонит,
А его никому не догнать.

О боковой части этого позвонка говорят следующее:

Если покрыть его войлоком для крыши, он не будет
слишком толстым,
Если покрыть его летним халатом, он не будет слишком
тонким,
Если положить его на резвого скакуна — не расколется,
Если положить на необъезженного коня — не сломается,
Если положить без подпруги, то он догонит олениху,
Если положить без недоуздки, то догонит кулана,
Его сущность схожа с прочным седлом на крепком
основании.

Внизу у этого позвонка, как два когтя, кость, ее так описывают:

Она похожа на смекалку мастера,
Который делает узорчатые сундуки
Из дерева южной реки,
Который делает чашки с желобками
Из дерева северной реки,
Который не боится влажной древесины
И не отказывается от сухого дерева.

В седалище есть хрящик, о нем говорят:

Узорчатый шелк, золотая парча,
Которую без ножниц можно скрыть.
Когда рождает, рождает сына, который прославится на все
государство.

А седалище у нее, как прекрасная сватья, которая ведет
верблюда своей невестке.

Потом просят описать два отростка позвонка, на это отвечают так:

Это крылья птицы Хан-гаруды,
Хоть дождь пойдет — не сложит,
Хоть ветер подует — не встрепется.

Указывая на вогнутую часть, ямку, спрашивают, что это. Ответ такой:

Эта ямка подобна озеру Ганга,
Это молочный океан (*суун далай*) родного кочевья,
В которое десять тысяч лошадей войдя,
Не толкаясь, могут напиться,
В которое сто тысяч лошадей войдя,
Могут напиться, не споря.

О торчащих зазубринах говорят так:

Сверху видны семьдесят оврагов,
Насквозь видны восемьдесят оврагов,
Видна кровавая туша, подобная горе,
Видны ссадины, подобные океану.
А если она похожа на клюв ворона,
То по обеим сторонам ее, спереди и сзади,
[Живут и сытно питаются две семьи].
На северной стороне живущий айл
Питается тарагом и айрагом,
На южной стороне живущий айл
Питается пенками и молоком.
И все это похоже на Алтан обо.

Крестец описывается так:

Похож на тропинку в горах Алтая и Хангая,
Похож на пасть льва и тигра,
На клыки хорошего скакуна,
На чело богатыря,
На взлет ястреба,
На крылья Хан-гаруды.

После всех описаний спрашивают: если соединить все, что получится? Отвечают так:

Видом походит на лежащего слона,
Формой походит на идущего слона,
Сущностью своей — слон.

А что же с ним делают, спрашивает хозяин:

Хан — вкушает,
Простолюдин — гложет,
Прохожий — наблюдает,
Это та кость,
Которую за дверь не бросают,
Черной собаке грызть не дают,
Огню ее подносят.

Есть и такое шутивное описание:

Похож на лай собаки без хвоста,
На молитву человека без веры,
Будет угощением князю,

Насмешкой простолюдину
Будет едой для черной собаки.

[Ловор, 2002. С. 54—56]

Свадебное застолье и Цагаан сар

Наиболее значимыми костями на свадебном и годовом застолье у различных монгольских племен считаются голова, первый позвонок и берцовая кость.

Голова, овцы или лошади, является одновременно и самым почетным блюдом, и предметом, используемым в обряде. У бурят свадьба, по главному, наиболее уважаемому угощению, называется *төөлэй барих төр хурим* (праздник в честь подношения головы). У дербетов во время свадьбы в момент «вручения шагай и поклонения солнцу» на правое и левое плечо кладут баранью голову и спрашивают: «правильно или нет?» Утвердительный ответ становится гарантией правильного выбора невесты и того, что семья будет крепкой. А у внутренних монголов во время свадьбы после первой ночи совершают обряд открытия полога, после чего голову овцы бросают через дымовое отверстие в юрте *тоно*, такой же обычай есть и у хотонов. У удзэмчинов голову овцы кидают через *тоно* после совершения обряда освящения новой юрты, при этом произносят благопожелание юрте. У дариганга сваты, провожая невесту в дом жениха, вслед ей бросают голову барана, как бы подгоняя.

Первый позвонок на свадебном пиршестве становится испытанием для жениха, но на этот раз его физической силы, испытание называется «свернуть шею» (заключается в том, чтобы вывернуть голыми руками позвонок из хребта). Также нередко первый позвонок после застолья подносят огню. Например, в Ордосе во время свадьбы первый позвонок кладут на тарелку, которую преподносят жениху сваты вместе с бараньей шеей. Перед тем как бросить позвонок в огонь, говорят такие слова:

С севера пришедший
Шейный позвонок,
Приношу тебе можжевельный дух,
С юга пришедший
Шейный позвонок,
Приношу тебе жир и масло.
Хозяин белой яйцевидной юрты
Пусть вечно живет!
Хурай, хурай!

[Ловор, 2002. С. 60]

В некоторых халхаских сомонах после свадебного угощения, когда гостям пора уходить, к верхушке опоры подвешивают шагай и, показывая на нее, говорят:

Выпавший дождь заканчивается,
А пришедшие гости удаляются.

[Ловор, 2002. С. 58]

Так по обычаю хозяева «выгоняют» гостей.

У различных монгольских племен популярностью в свадебных обрядах пользуется большая берцовая кость вместе с суставом, шагай. Она связана со значениями крепости новой семьи, ее охраны, плодородия и здоровья будущего потомства. Во Внутренней Монголии жених, прежде чем невесту отправят в его дом, ломает берцовую кость и вместе с невестой ее разбирает (вынимает шагай), после чего все заворачивают в хадак и кладут в голенище жениха. У хорчинов принят такой обычай: жених приходит в семью, в которой четверо детей, садится вместе со всеми, ему начинают бросать шагай от берцовой кости, которые нужно ловить. Если жених не успевает поймать, его штрафуют водкой и просят спеть песню, при отказе ругают и обзывают. Если жениху удастся поймать брошенные кости, ему предоставляется право самому выломать позвонок из берцовой кости. У чахаров жениха, перед тем как отправить невесту в его дом, сажают на хойморе новой юрты, слева от него сажают невесту и приносят на тарелке большую берцовую кость, из которой они должны вместе вытащить шагай, потом невеста заворачивает кость в хадак и кладет в голенище жениха. У дербетов, разобрав берцовую кость, расстилают белый войлок, жених и невеста встают на него лицом к восходу солнца, затем левое колено жениха и правое колено невесты связывают хадаком и они трижды совершают поклон. Олеты делают так же по приезду к жениху, у новой юрты.

У торгутов в день свадьбы ставят новую юрту, расстилают коврик из белого войлока, молодожены садятся на него лицом к восходу солнца и произносят следующие слова:

Поклоняемся солнцу,
Поклоняемся шагай,
Поклоняемся Хан-Хормсте
И духам четырех родителей.

[Ловор, 2002. С. 67]

У некоторых монгольских субэтносов жених и невеста вместе разбирают берцовую кость, а потом по очереди откусывают мясо с шагай.

По дороге при свадебном поезде, сват, у которого за поясом берцовая кость, убегае верхом на лошади, жених пытается его догнать — так устраивают минискачки. У халха невеста, придя в дом жениха, после обряда раскрытия полога вместе с мужем поклоняется солнцу, они делят и едят берцовую кость, заворачивают ее в хадак и хранят под подушкой. У торгутов берцовую кость после этого бросают через *тоно* (человек снаружи должен ее поймать). У алтайских урянхайцев этот обряд заканчивается шутивным соревнованием между молодоженами, которые пытаются отнять друг у друга берцовую кость, кто сможет ее удержать, тот и будет хозяином в доме.

У дариганга на берцовой кости проверяется сила и ловкость жениха, который должен извлечь из нее костный мозг. Потом кость заворачивают и хранят дома. На свадебном пиршестве эту кость стороной, где шагай, привешивают к *тоно*. Когда гости расхо-

дятся, говорят такие слова: «пыль наружу, жир внутрь» [Ловор, 2002. С. 68]

Большая берцовая кость связана со свадьбой, плодородием, благополучием, обряд разбора берцовой кости «связывает» молодое семейство. Даже сейчас в шутку говорят: «мы же с тобой муж и жена — те, кто вместе разобрали одну берцовую кость и привязали коня».

Важное значение берцовая кость имеет и при новогоднем застолье. В день *Битууний одор*, канун *Цагаан сар* (Нового года), начинается празднество. Название этого дня, *биту*, означает 'цельный, полный, закрытый со всех сторон, закупоренный, непроницаемый, не имеющий выхода', а также — 'горсть', 'пригоршня'. Он символизирует полноту, цельность, изобилие, поэтому на столе в этот день все должно быть цельным, непочатым (пища, питье). У большинства монгольских племен до сих пор праздник начинается с «открытия» *Битууний өдөр* ('закупоренного дня') — разбивания берцовой кости. Так делают, например, халхи, баяты, вечером в Битуун обмениваются с соседями грудinou овцы, затем глотают ее вместе, делят мясо с берцовой кости, потом разбивают ее ножом — открывается *Битуун*. При этом говорят: «Открыли Битуун, распространили пищу, год старого верблюда ушел, год молодого верблюжонка пришел». Всем присутствующим дают попробовать мяса и мозга от берцовой кости. А в некоторых местах расстилают войлок, садятся и говорят: «Суровые холода прогнали берцовой костью с шагай». Прокалывают ее ножом, бьют по толстой части, вынимают мозг, капают жиром на огонь и говорят: «Морозы прошли, снег стаял». У дзахчинов и мянгатов первого числа люди поднимаются на обо, берут эту кость, обходят обо по солнцу, потом сжигают ее и преподносят пепел *Алтаю*. «Раскалывание берцовой кости, раскрытие полного сосуда — обычай, который обязательно соблюдается во всех семьях, он приносит счастье, изобилие, собравшимся прибавляется по году жизни. Необходимо распространять благое, открыть путь Будде, убрать шулмасов» [Ловор, 2002. С. 38].

Новый год (обычно канун праздника и первый день) — это также время совершения подношений, которые предназначены в первую очередь Небу, духам-покровителям природы (Алтаю, Хангаю, лусавдагам), духу домашнего очага (Галын Бурхану). Как уже упоминалось выше, наиболее почетными частями, которые жертвуют святыням, являются первый позвонок, грудная кость и берцовая кость.

В разных районах Монголии известен обычай, когда утром в первый день нового года по лунному календарю мужчины поднимаются на высокое место, к обо, сооружают специальный помост и в момент восхода солнца подносят эти части Небу, Хангаю, сжигают грудинную кость. Одновременно разбрызгивая вокруг молоко или водку, молятся и произносят такие слова:

Ээ, Великий Хормуста мой!
Золотая земля моя!
Помилуйте весь мой скот и мою жизнь!
[Ловор, 2002. С. 60]

Специальные подношения в Новый год совершаются духу домашнего очага, Галын Бурхану. Согласно одному из описаний, это может происходить так: сначала грудину варят вместе с четырьмя высокими (ребрами), желудком, шеей, берцовой костью левой задней ноги вместе с пяточным сухожилием и коленной чашкой (с мозгом внутри). Затем выгрызают все мясо грудины, не прикасаясь к ней ножом, потом произносят слова: «Пусть вся удача и счастье соберутся в этой рукоятке грудины!» После этого заворачивают грудину в пленку и жир и, положив ее «лицом» вверх, трижды обматывают шерстяной ниткой из овечьей пряжи, затем в час, когда на небе появляются звезды, зажигают благовония и бросают грудину в огонь. Схожим образом осуществляются подношения огню в другой, специальный день почитания Галын Бурхана, 23—24-го числа «месяца кукушки» (первый летний месяц). При этом сам образ Галын Бурхана выступает в разных ипостасях, в зависимости от локальной традиции, хозяин очага может осознаваться то в мужском образе, то в образе ребенка, то в образе женщины (от этого зависят сопутствующие «основному блюду» подношения, но в целом комплекс запретов и предписаний, связанных с огнем, носит достаточно унифицированный характер у различных монгольских народностей):

Супруга почтенного
Имеет двенадцать спутников,
Одну серебряную ложку,
Рванный шелковый платок.
[Ловор, рукопись]

Гадания

Помимо застолья кости играют заметную роль и в других видах обрядности — гаданиях, охранительной магии, народной медицине, с костями связано множество примет и поверий. Одной из самых популярных костей является альчик (*шагай*). Эта кость является одновременно объектом игры (игра в *шагай*) и гадания. У нее есть другое название — «четыре трудных». Альчик бросают три раза, если *шагай* встает вертикально, выпуклой стороной, вращаясь по солнцу, то это конь — самое хорошее предзнаменование. Про альчик говорят:

Маленький, как четки,
Четыре уважаемых имени имеет.
Если его поставить, то получится хорошенький
верблюжонок,
Если развернуть — дикого нрава двухлетка жеребенок,
Если положить — это ягненок,
Если перевернуть, то козленок.

[Ловор, 2002. С. 39]

Существует огромное количество вариантов игры (в том числе шагай на льду). Играют обычно с конца осени и до начала весны, играть позже считается плохой приметой, если это делать, то гром (*тэнгэрийн дуу*) будет усиливаться, а плодородие скота убавляться.

Играя в шагай, произносят такое благопожелание:

У скотины мясо драгоценность,
Из всего мясного — кость драгоценна,
Из всех костей — шагай драгоценность,
Из всего скота — лошадь драгоценность,
На втором месте — верблюд драгоценность,
На третьем месте — овца драгоценность,
На четвертом месте — коза драгоценность,
Из смотрящих вверх — человек драгоценность,
Из смотрящих вниз — онгон драгоценность.
[Ловор, 2002. С. 43]

Альчик используют для гадания: отделив шагай от большой берцовой кости, бросают его три раза, если выпадет конь — будет счастливая дорога, радуются счастливому предзнаменованию. Давно известно гадание на альчиках — «бросать четыре трудных». Четыре стороны этой костяшки могут выпасть в тридцати позициях — глядя на них, определяют положение в делах, работе, дороге, счастье/несчастье и т. д.

Существует поверье о том, что если оставить шагай в степи, то удача на три года отвернется от хозяина — *шагай* будет «смотреть» на хозяина три года и насылать несчастья. Напротив, хорошей приметой считается найти *шагай*: «Если попадется *шагай* в степи, заденешь ее носком, если лошадь при этом остановится, тогда надо порадоваться счастливому предзнаменованию и взять ее с собой» [Полевые материалы: Ч. Г.].

До сих пор распространенной практикой является ношение волчьего шагай. Он выполняет функцию мужского амулета, носят обычно на поясе или на ноге, запрещено носить на верхней части тела: «Волк — одно из самых сильных и почитаемых монголами животных, он связан с Чингис-ханом, считается предком монгольского народа, священным животным. Далеко не каждому даже ловкому охотнику суждено убить волка, только избранному. Носить волчий шагай — это хорошо, он считается мужским символом, приносит силу и удачу. Его носят обычно на поясе, но не выше, волк — самый сильный, нельзя, чтобы он был сверху, подавлял, потому что человек еще сильнее, такое значение» [Полевые материалы: Г. Х.]. Сейчас волчий шагай можно купить в магазинах и на рынке, просверленные или в серебряных оправках, есть даже украшения и брелки в форме волчьей шагай.

Есть различные народные способы поиска вора, согласно одному из них, надо сжечь волчье сухожилие, тогда у человека, укравшего чужое добро, «скрутит» руки и ноги и он сам придет, чтобы вернуть то, что взял. Другой способ называется «пустить череп» или, по другим вариантам, «пустить

очир», этот обряд связан в нарративах с ламами — наиболее сильные и искусные из них могут найти вора с помощью черепа животного (скота или собаки) или очира, «пустив» его так, что он приводит в дом к человеку, совершившему кражу [Полевые материалы: Г. Ч.].

«Информативными» являются и другие кости — коленная чашечка, пяточная кость. Обглоданную коленную чашечку овцы бросают между решетками юрты, приговаривая: «жеребенок, иноходец». Если кость застрянет между решетками, будет хороший конь, говорят.

У удэмчинов, если пяточную кость как следует обглодать, родится хорошенькая девочка. У дариганга, если коленную чашечку хорошенько выгрызть, прекрасный сын родится. Собакам эти кости не дают. Такие слова есть:

Ты знаешь, как сделать нас богатыми,
А я знаю, как сделать тебя частью нашего богатства.
[Ловор, рукопись]

Но, несомненно, самой популярной костью в гаданиях является лопатка. Эта практика имеет длинную историю и фиксировалась в различных источниках. Лопатка скота использовалась также при похоронном обряде. Обычно выделяют три вида гадания на лопатке: белое (на обглоданной кости), черное (когда ее сжигают, а потом смотрят) и смешанное (гадание на старой кости, найденной в степи) [Дулам, интервью]. Рассматривают все признаки ее частей (толстая, тонкая, маслянистая и пр.), при сжигании смотрят на форму трещин, слушают звук. При гадании нужно соблюдать определенные условия — чистые руки, хорошо очищенная лопатка, не должно быть рядом людей, при этом читают заклинания *дом шивилэг*. Есть такая загадка про лопатку:

В загоне лежат
Два мудрых.
Глухой мудрый
Имеет четырех спутников.
[Ловор, 2002. С. 27]

Гадать по лопатке может любой человек, который знает и умеет расшифровать все ее признаки, обычно это делают шаманы или знающие люди (*мэргэн хун*). Сам хозяин может определить по лопатке удачу, благополучие семьи, здоровье стада, найти вора, узнать о том, хорошей ли будет дорога, и о прочих делах. Согласно поверьям, чужой человек, взяв лопатку, может, в свою очередь, узнать все о хозяине, его характере, болезнях, удаче и достатке, членах семьи, хозяйстве. Поэтому после еды, перед тем как выбрасывать эту кость, ее обязательно протыкают или ломают.

Демонология

Богатую символику кость имеет в демонологии монголов. И здесь наиболее семантизированными оказываются череп, бедренная и тазовая кости.

Демонологизация этих костей имеет основание сразу в нескольких важных для культуры аспектах. Один из них связан с представлениями о душе и посмертном воздаянии, множественности душ и наличии специальной «костяной души», которая остается после смерти живого существа на земле вместе с останками и превращается в зловредного демона: «У человека 3 души (*сунс*) — *махны* [мясная], *ясны* [костяная], *сэтгэлийн* [духовная]. Когда умирает человек, при трупe остается костяная душа» [Полевые материалы: Д. З.]. Как правило, эта душа локализуется в бедренной кости или черепе.

Другой комплекс верований связан в традиции с представлением об исходной «полноте» и «цельности» вещей. И если это исходное качество по каким-то причинам утрачено, «цельность» все равно будет восполнена, но с большой вероятностью чем-то враждебным для человека (*муу юм, чотгөр*) — «Нельзя оставлять полым то, что было заполненным» [Полевые материалы: М. Ж.].

Отверстия и полости в костях, оставшихся после еды, также могут стать прибежищем дурного. Поэтому запреты и предписания, связанные с костями, строго соблюдаются в повседневной жизни. Наибольшее количество поверий связано с черепом (*яст толгой*), тазовой (*сүүжний яс*) и бедренной (*дунд чөмөг*) костями (их «пустотность» очевидна — есть где поселиться нечисти).

«Наши старики говорят, что нельзя никогда оставлять дома пустой череп барана без глаз. На ночь особенно. Бедренные кости с высосанным мозгом нельзя оставлять на ночь. Старики говорили. Говорят, что в этих отверстиях заводятся шулмас-чотгор. Если оставить полым, то могут заселиться» [Полевые материалы: М. Ж.].

«Нельзя на ночь оставлять тазовую кость и глазницы коня надо заполнять, потому что там прячутся чотгоры, надо разделить так, чтобы отверстия не было. Нельзя глазницы черепа коня оставлять пустыми» [Полевые материалы: М.].

Рассматриваемый материал обнаруживает интересные нюансы в пространственном восприятии «пустого». «Пустое», имеющее полость, внутреннее пространство, опасно заселением в него дурного, нежелательным для человека «восполнением целостности». В то же время «пустое», имеющее сквозное отверстие, дырку (как *сүүжний яс*, например) воспринимается как «тоннель» между миром людей и миром духов и демонов, предполагающий «двустороннее использование». О признаках «колючести» и «решетчатости» в демонологических поверьях имеются упоминания в других исследованиях [Толстая, 2002. С. 11; Славянские древности, 1995. С. 236]. В приведенных ниже примерах сквозь отверстие в тазовой кости чотгор смотрит на людей, а люди могут увидеть чотгора: «Нельзя хранить дома тазобедренную кость с дыркой, потому что через дырку чотгор подглядывает» [Полевые материалы: Д. А.], «Тазовая кость с отверстием. Ее нельзя оставлять дома, особенно на ночь. Днем из нее за семьей

наблюдает чотгор, а ночью он поднимается из отверстия и выходит, ходит по дому, может причинить зло» [Полевые материалы: Г. Х.], «Обглоданная тазовая кость с дырочкой, через нее можно увидеть что-то непонятное. Если не обглоданная, ничего страшного, ничего не значит. Увидеть можно чутгура, что-то плохое» [Полевые материалы: Х. С.], «Чутгуры и шулмусы смотрят через отверстие в тазовой кости. Нам в детстве запрещали смотреть через решетку юрты. Увидишь чутгуров и что-то плохое» [Полевые материалы: Г. Н.].

Через отверстие в тазовой кости человека можно не только увидеть чотгора, но и, обладая специальным знанием, вызвать его:

«Лама собирает из косточек человека в нормальном порядке, но на последней стадии он говорит заклинание в дырочку тазобедренной кости, и чотгор обретает плоть» [Полевые материалы: Д. А.]; «Получается, по логике, что эта тазовая кость с дыркой плюс молитва — это призывание чотгора, он может прийти» [Полевые материалы: А. Д.]; «Раньше были сильные ламы, они могли призывать чотгора, который живет в тазовой кости, читали книги, поднимали его из кости и насылали с дурным на людей» [Полевые материалы: Г. Х.].

Чтобы избежать неприятностей, связанных со склонностью нечисти занимать «пустое» пространство, в бытовой практике его либо разрушают (разбивают кости, имеющие полости и отверстия), либо заполняют. Последнее практикуется во время подношений духам-хозяевам гор и обо. Одним из предметов подношения часто становится череп умершего коня (см. выше). При подношении его духам хозяевам «пустое» пространство, сохраняющее статус опасного, даже на священных, культовых местах заполняется разнообразными вещами:

«Монголы называют коня хрустальной драгоценностью. В знак почета голову любимого коня, жеребца, который дает хорошее потомство, быстрого скакуна кладут на обо. При этом дырки от глаз, ушей черепа затыкают сухой травой, печеньем, конфетами, аргалом, камешками и поворачивают череп в сторону родных мест» [Полевые материалы: Б. Х.]; «Когда череп ставят на обо, его нужно обернуть хадаком. В глазницы вставляются камни» [Полевые материалы: М. Д.]; «Голову коня с привязанной ленточкой (*сэтэртэй*) кладут на высокое место и набивают тугриками. В глазницы можно и все что угодно, а деньги — это уважение» [Полевые материалы: А. Д.].

Помимо поверий и практик, кости выступают в качестве самостоятельного персонажа в повествовательных нарративах, преимущественно это череп и тазовая кость, с которой связан мотив оборотничества.

Одним из наиболее популярных до сих пор является сюжет о нападении чотгора на одинокого путника ночью. Один из современных рассказов повествует о том, как на спину мотоциклисту, ехавшему в город, кто-то прыгнул и пытался его опрокинуть, все

утихло только тогда, когда человек с трудом добрался до города. Остановившись посмотреть, что произошло, он обнаружил у себя на куртке за спиной прицепившуюся тазовую кость [Полевые материалы: Х. Г.]. Тот же сюжет (только не с мотоциклистом, а с конным путником) мы находим, например, в статье Широ Хаттори [Shiro Hattori, 1972. С. 101—114].

Поверья, связанные с тазовой костью, ее способностью оборачиваться, встречаются также в корейском фольклоре.

Череп является одним из традиционных персонажей Восточно-Азиатского региона, он встречается в демонологических нарративах Китая, Кореи, в японском фольклоре образ головы/черепа имеет отдельный вид демонов. Вот такой рассказ мы находим у калмыков:

«Давным-давно это было. Жил-был старик, у него не было старухи. И он решил попросить у заячи-покровителя старуху для себя. По пути к своему заячи-покровителю увидел человеческий череп. Сел он на череп, вытащил трубку, вычистил ее, а остатки табака приложил к глазницам черепа и спрашивает: „Жжет?“ А череп отвечает: „Да, жжет!“ Старик сильно испугался и убежал. Прибыл вскоре к своему заячи и рассказал ему о черепе, который лежал на обочине дороги» [Калмыцкая сказка].

Еще одно поверье, в котором кости осознаются в качестве некой сознательной сущности и являются отдельным персонажем, связано с обрядовым фольклором. В монгольской традиции брошенные ногти также могут причинить вред или даже стать причиной смерти их владельца (поэтому с ногтями обращаются аккуратно, не выбрасывают, иногда закапывают и произносят специальные слова):

«Буряты, обрезая с пальцев ногти, обрезки собирают и бросают, причем на эти обрезки плюют и фыркают. Если духи увидят обрезки ногтей, то спрашивают их, кто их хозяин и где его душа. Если на обрезки ногтей было поплевано и пофыркано, то они отвечают:

— Наш хозяин слюна и фыркание; не знаем, где душа хозяина.

Если не принять этих предосторожностей, то обрезки ногтей укажут душу хозяина духам.

Считается, что когда человек умирает, то ногти радуются. Они говорят:

— Теперь наш хозяин не будет нас обрезать; будем расти свободно.

А волосы человека сильно печалются и говорят:

— Теперь наш хозяин не будет нас гладить и чесать» [Хангалов, 2004. С. 39—40].

Народная медицина и охранительная магия

Кости активно используются в народной медицине и охранительной обрядности. Целебным считается бульон, сваренный из определенных частей, это, в частности, пяточное сухожилие, грудина, ребра (ча-

ще всего бараньи), позвонки, берцовая кость, лопатка. Пяточное сухожилие, чашечка и верхняя часть лопатки называются «три самых сочных», если прибавить мелкие позвонки, то будет «четыре сочных», и «короткий бульон» варится из «пяти сочных» костей. Считается, что такой бульон восстанавливает силы, укрепляет организм, поэтому часто он предназначен для рожениц. Через три дня после рождения младенцу дают такой же бульон. В некоторых семьях бульоном обмывают все тело младенца, чтобы было хорошее здоровье, была здоровая кожа, не было аллергий и раздражений. Старики давали грызть коленную чашечку и пяточное сухожилие детям, чтобы зубы были крепкими. Бульон используется даже для скота: его дают в качестве питья весной, чтобы поддержать силы [Ловор, 2002. С. 56].

В обрядности, связанной с родами, защитой и лечением новорожденных большое значение имеет берцовая кость, что является своеобразным продолжением ее брачной символики. У дариганга роженице дают мясо с берцовой кости, чтобы восстановить силы. Берцовая кость с алычком, которую разбирают во время свадьбы молодожены, продолжает храниться дома и используется в домашних ритуалах. Считается, что она охраняет молодую семью от всего дурного, облегчает роды, а дети в такой семье растут чистые и опрятные. Она используется в народной медицине, например, когда у ребенка болят уши, отец хлопает его по ушам берцовой костью и закапывает костный мозг. У отдельных монгольских народностей ее вешают у колыбели новорожденного.

Берцовая кость задействована также и в других обрядах, часто как священное подношение. Так, например, охотники, собираясь на облавную охоту, берут с собой берцовую кость, а перед тем, как ехать, зажигают можжевельник и говорят следующие слова:

Я кладу эту берцовую кость в суму,
Чтобы порадовать тэнгриев,
Чтобы они послали удачу на охоте,
Пусть воцарится мир и благодать.

[Ловор, 2002. С. 58]

Таким образом освящают суму для дичи.

У удземчинов хвост овцы с берцовой костью кладут на тарелку и прикрепляют к северо-восточной части опояски, чтобы защитить дом от потенциального дурного воздействия.

В качестве охранительных мер кости также сжигают, считается, что запах отгоняет все дурное. «Если скот напоить бульоном или сжечь рядом горстку костей — скот пробуждается и оживает. Во время пыльной бури кости жгут, скот „греется“ у этого дыма, и тогда его не „унесет ветром“ (стадо не заблудится)». В качестве элемента охранительной магии в свадебной обрядности у некоторых монгольских племен используется череп волка или собаки: его сжигают перед выездом свадебного поезда, чтобы за молодоженами не увязалось что-нибудь плохое. При некоторых заболеваниях, в том числе пере-

ломах, сжигают кости кошки и пепел используют в качестве лекарственного средства [Bawden, 1961. С. 215—257].

Своеобразный обычай существует в некоторых районах Внутренней Монголии, например у хорчинов. В некоторые дни, когда семейство считается по каким-либо причинам наиболее уязвимым, зажигают лампаду между лопатками. Верят, что этот свет, ночью, в темноте, отталкивает демонов.

Одной из самых популярных костей в охранительной магии считается лучевая кость. Часто из нее делают обереги для дома. У торгутов кладут мозг плечевой кости с западной стороны косяка, подвешивают к верхушке трех первых уни с правой стороны. У дариганга в лучевую кость продевают солому (ковыль) и затыкают ее за косяк с юго-восточной стороны, при этом произносят следующие слова: «Зубастые пасти туда, удача-счастье сюда». Так отгоняют дурное, защищают семью и скот (особенно в тех случаях, когда стадо остается на ночь в степи).

У дариганга так говорят о лучевой кости:

Худой, костистый парень
С соломенными стрелами,
Перепопчатый луком,
Сидит на хатавчине и не любит чужих.
[Ловор, рукопись]

Существует легенда о том, как стали почитать лучевую кость и использовать ее в качестве оберега:

«В древние времена за одним юношей гнались солдаты. Целый день он убежал и вечером прибежал домой. Его мать сидела в палатке. Сын сказал ей о своей беде и хотел бежать дальше, но мать удержала его:

— Нельзя бежать, тебя схватят. Ложись здесь, я все устрою.

Она спрятала его среди пожитков в палатке, а сама разожгла огонь, подбросила в него аргал и поставила по краю треножника очага обглоданные лу-

чевые кости, воткнув в них солому. Вскоре к палатке приблизились солдаты, погоня. Издалека им показалось, что в палатке сидит большое войско — силуэты лучевых костей с соломинами выглядели как солдаты с копьями наперевес. Те, что гнались за сыном этой женщины, побоялись даже заглянуть в палатку.

С тех пор лучевую кость, которая спасла жизнь мужчине, стали почитать как священную» [Полевые материалы: Г. Ч.].

Существуют рассказы о некоторых исполняемых ламами и шаманами специальных обрядах, в которых используются бычьи рога, в частности рог «тун-ра», с помощью которого магические специалисты насылают проклятия на своих противников (*хараал*). Также их применяют во время камлания, чтобы отогнать все беды и несчастья. Иногда их употребляют для «заговаривания» матки скота, которая отказывается от своего детеныша. Шаман размахивает и пугает ее, приговаривая:

Вот я тебе хребет сломаю,
Брюшину распорю,
Ребра переколю,
Ноги переломаю.
[Ловор, 2002. С. 58]

Кости являются важной составляющей символического мира монгольской культуры, имеют богатую семантику, находят место в различных сферах народных верований, от свадебной обрядности и народной медицины до похоронных обрядов и демонологии, получили отражение в различных фольклорных жанрах (играх, загадках, обрядовой поэзии, повествовательных нарративах). А все вышесказанное служит частным случаем того, как одна вещь, предмет, самый простой и обыденный, как обглоданная кость, может стать проводником в сложный и противоречивый мир традиционной культуры.

Использованная литература

- Калмыцкая сказка: Калмыцкая сказка (записала Т. Г. Борджанова от Т. М. Тягиновой) (Kalmitskaya skazka. Written by T. G. Bordzhanova from T. M. Tyaginova).
- Кычанов, Савицкий, 1975: Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов. М., 1975 (*Kuchanov E. I., Savitskiy L. S. L'udi i bogi v strane snegov*. М., 1975).
- Ловор, 2002: Галсанбалдангийн Ловор. Учир мэдэхгүй хүнд ууц битгий тавь. Улаанбаатар, 2002 (*Galsanbaldangiin Lovor. Uchir medehgui hund uuts bitgii tav'*. Ulan-Bator, 2002).
- Ловор, рукопись: Галсанбалдангийн Ловор. Малын ясыг эрхэмлэх ёс зан үйл. (Manuscript: Galsanbaldangiin Lovor. Malin yasig erhemleh yos zan ujl).
- Монгол зүйр, 2002: Монгол зүйр цэцэн үг. Дэд дэвтэр. Улаанбаатар, 2002 (*Mongol zuij tsetse ug. Ded devter*. Ulan-Bator, 2002).
- Славянские древности, 1995: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995 (*Slavyanskie drevnosti. Etimologicheskij slovar' v pyati tomah* / Pod red. N. I. Tolstogo. Т. 1. М., 1995).
- Толстая, 2002: Толстая С. М. Категория признака в символическом языке культуры // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2002 (*Tolstaya S. M. Kategoriya priznaka v simbolicheskom yazyke kul'turi* // *Priznakovoe prostranstvo kul'turi* / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2002).
- Хангалов, 2004: Хангалов М. Н. Собрание сочинений в трех томах. Том III. Улан-Удэ, 2004 (*Hangalov M. N. Sbranie sochinenij v treh tomah. Tom III*. Ulan-Ude, 2004).
- Bawden, 1961: Bawden Ch. R. Supernatural Elements in Sickness and Death according to Mongol Tradition I // *Asia Major*. 1960—1961. Т. VIII.
- Shiro Hattori, 1972: Shiro Hattori. Mongolian ghost stories // *Analecta Mongolica: Occasional papers* № 8. Indiana, 1972.

Полевые источники¹

- А. Д., 1949 г. р., барга, Хулэн-Буйр, 06.08.10.
 А. Т. О., 1958 г. р., дариганга, Баруун-урт, 09.08.08.
 Б. Т., 1947 г. р., халх, Луус сомон, 30.07.09.
 Б. Х., 1935 г. р., халх, Ундур-хол, 03—04.08.08
 Г. Н., 1917 г. р., барга, местность вокруг кочевья Эрхитын Бург, 08.08.10.
 Г. Х., 1976 г. р., халх, Улан-Батор, 20.09.10; 04.08.13.
 Г. Ч., 1980 г. р., халх, Даланзагад, 06.10.09.
 Д. А., 1947 г. р., баргут, Хулэн-Буйр, 04.08.10.
 Д. Д., 1949 г. р., дариганга, Дариганга, 10.08.08.
 Д. Ч., 1934 г. р., хори-бурят, Дадал-сомон, 14.08.08.
 М., 1964 г. р., удэмчин, Чойбалсан, 12.08.10.
 М. Д., 1963 г. р., халх, Хан-Богдо, 06.08. 09.
 М. Ж., 1962г.р., халх, Луус сомон, 30—31.07.09.
 Н. Д., 1935 г. р., бурятка из рода *хуацзяо*, Хэнтэйский ай-мак, 13.08.08.
 С. Б., 1948 г. р., халх, Ундурхан, 03.08.08.
 С. Д., 1958 г. р., халх, Улан-Батор, 20.03.09.
 С. Т., 1970 г. р., халх, Бонн, 17.03.14.
 Х. Г., 1971 г. р., халх, Хархарин, 22.08.10.
 Х. С., 1932 г. р., удэмчин, Чойбалсан, 11.09.10.
 Х. Т., 1971 г. р., халх, Улан-Батор, 16.08.10.
 Ч. Г., 1968 г. р., халх, под Хархорином, 20.11.11.

L. G. Skorodumova, A. A. Solovyova
Bones in Mongolian customs and beliefs

In traditional culture material objects used in everyday life have additional, symbolic meanings. These symbolic forms define the special status and new, magical functions of a particular object in customs and beliefs. This article is dedicated to the symbolism of bones and their special functions in Mongolian traditional culture. Animal bones are used in various spheres of life, and the vast semantic field behind them classes them among the most popular objects of the Mongolian symbolic world. The bone symbolics are represented in different genres of Mongolian folklore, beliefs and ritual practices (invocation poetry and spells — *dom shivshleg*, practices of divination, worship offerings, funeral rituals), in everyday life, during feasts, traditional games, and so on. It is in the order of things, as cattle is still the base of Mongolian household economy, «the main jewel».

Key words: Mongolian traditional culture, symbolic of things, everyday life, folklore, customs, bones.

¹ Материалы включают записи российско-монгольских экспедиций Центра типологии и семиотики фольклора, РГГУ и личные записи А. А. Соловьевой. Буквенным шифром указаны имя и фамилия (имя отца) информанта, а также год рождения, этническая принадлежность, место и время записи.